
«Служение праву»: Общество санкт-петербургских (петроградских) женщин-юристов (1913–1917 гг.)

Евгений Крестьянников

«Serving the law»: Society of Saint Petersburg (Petrograd)
Women Lawyers (1913–1917)

Evgenii Krestiannikov
(HSE University, Moscow, Russia)

DOI: 10.7868/S3034579025060218

Широкое распространение независимых от государственной власти ассоциаций являлось неотъемлемым элементом становления гражданского общества в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. на фоне общемировой тенденции внедрения в общественную жизнь либеральных идей и практик. Ломка традиционных устоев, распространение либерализма и рост тяги к социальному общению в правление Александра II поставили вопрос об эмансипации и способствовали появлению различных женских организаций¹. Новая фаза женского движения, которую исследователи называют по-настоящему феминистской, наступила в результате Первой российской революции и характеризовалась усилением чувства солидарности среди россиянок. События 1905–1907 гг. вселяли надежду на изменение правового положения женщин, стимулировали создание и деятельность их объединений, однако введение ряда дискриминационных мер, особенно предоставление избирательных прав при формировании парламента только мужчинам, подталкивали представительниц женского пола к дальнейшей консолидации и борьбе за равенство².

Среди возникших в результате развития феминистского движения организаций оказалось и созданное в 1913 г. Общество санкт-петербургских (с 1914 г. – петроградских) женщин-юристов, которое до сих пор почти не привлекало внимание исследователей. Оно отсутствует в опубликованных перечнях дореволюционных объединений россиянок³ и лишь вскользь упоминается

© 2025 г. Е.А. Крестьянников

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

¹ Абрамс Л. Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789–1918. М., 2011. С. 301–302; Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917). Иваново, 1994. С. 47–48; Хоффманн Ш.-Л. Социальное общение и демократия. Ассоциации и гражданское общество в транснациональной перспективе, 1750–1914. М., 2017. С. 106; Yukina I. First-wave Women's Movement: Result and Factor of Civil Society Formation in Russia // Women and Transformation in Russia / Ed. by A. Saarinen, K. Ekonen, V. Uspenskaia. L.; N.Y., 2014. P. 31–43.

² Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М., 2004. С. 268; Хасбулатова О.А., Гафизова Н.Б. Женское движение в России (вторая половина XIX – начало XX в.). Иваново, 2003. С. 81–82; Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007. С. 219–220.

³ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России... С. 612–613; Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России... С. 130–135.

в некоторых работах⁴. Возникновение ассоциации сигнализировало о глубокой социально-правовой коллизии: рост профессионального самосознания предполагал участие женщин с юридической подготовкой в написании и толковании законов, но действующие нормы этих же самых законов закрепляли неравенство полов. На пути женщин-юристов к равноправию находились властные структуры, состоявшие исключительно из мужчин. Поэтому историю Общества санкт-петербургских (петроградских) женщин-юристов целесообразно рассматривать во взаимосвязи проблем гендеря, власти и профессионализации⁵.

Следует отметить, что начавшееся с принятия Судебных уставов 1864 г. сплочение судебных деятелей мужского пола основывалось на единой образовательной (юридической) базе и высокой степени профессионального сознания, при этом объединение адвокатов происходило еще и в официально устроенных органах их самоуправления — советах присяжных поверенных. В результате, к началу XX в. мужчины-юристы прошли длительный путь консолидации по профессиональному признаку. Основу их единства формировали идеи господства права и законности, контрастировавшие с автократическим режимом⁶. По замечанию П. Бурдье, правовед «не может просто и без оговорок согласиться с династической формулой естественной передачи власти от отца к сыну», и потому юрист по природе своей выступает оппонентом монархии⁷.

Выбрав сферу деятельности, россиянки-правоведы длительное время оставались одиночками. Так, первая женщина-юрист в России А. М. Евреинова получила степень доктора права в Лейпцигском университете в 1873 г. и несколько десятилетий оставалась на родине почти единственной дипломированной в этой области женщиной, сосредоточившись на проведении научных исследований⁸. Понимая пользу ассоциаций, она 10 апреля 1905 г. публично призвала основать некий «женский союз»⁹, однако для его создания требовалось появление хотя бы сколько-нибудь заметной группы женщин с юридическим образованием, которым еще предстояло осознать общность своих интересов. На этом пути их ожидало множество препятствий со стороны правящих кругов.

Формирование социальной базы будущего Общества санкт-петербургских женщин-юристов во многом связано с Первой российской революцией. После дарования университетам автономии по временным правилам 27 августа 1905 г. советы большинства из них стали допускать женщин в аудитории. В 1908 г. высшая власть запретила эту практику, но вольнослушательницам, уже принятым в университеты, позволили закончить обучение. В 1906 г. при Санкт-

⁴ См., например: *Хасбулатова О.А., Гафизова Н.Б.* Женское движение в России... С. 178, 182; *Юкина И.И.* Русский феминизм... С. 367; *Ruthchild R.G.* Equality and Revolution: Women's Rights in the Russian Empire, 1905–1917. Pittsburgh, 2010. P. 166, 217.

⁵ О симбиозе этих подходов при изучении деятельности первых женщин-юристов см.: *Mossman M.J.* The First Women Lawyers: A Comparative Study of Gender, Law, and the Legal Professions. Portland, 2006. P. 9–14.

⁶ *Тарановски Т.* Судебная реформа и развитие политической культуры царской России // Великие реформы в России. 1856–1874 / Под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 301–317; *Levin-Stankevich B.L.* The Transfer of Legal Technology and Culture Law Professionals in Tsarist Russia // Russia's missing middle class. The professions in Russian History / Ed. by H. D. Balzer. Armonk (NY), 1996. P. 223–249.

⁷ *Бурдье П.* О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М., 2017. С. 583.

⁸ *Пиетров-Эннкер Б.* «Новые люди» в России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М., 2005. С. 253.

⁹ Женский вестник. 1905. № 6. С. 189.

Петербургских высших женских (Бестужевских) курсах был организован юридический факультет, позднее появилось несколько самостоятельных курсов для женщин, включавших программы подготовки правоведов. Закон от 19 декабря 1911 г. об испытании лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений допустил выпускниц ряда женских курсов в области юриспруденции к итоговым экзаменам в юридических испытательных комиссиях при университетах. В результате к началу 1916 г. дипломированными правоведами стали около 400 россиянок, которых обыкновенно называли юристками¹⁰.

Стремление женщин, получивших юридическое образование, к профессиональной консолидации первоначально выразилось во вступлении в состав феминистских организаций, в частности в Российскую лигу равноправия женщин (РЛРЖ), где группы россиянок с дипломами юристов стали заметны весной 1911 г. В отделении лиги в Санкт-Петербурге 25 сентября был образован Юридический отдел, членами которого могли стать только выпускницы юридических факультетов отечественных и зарубежных университетов. На организационном собрании присутствовали 25 человек, но уже через несколько месяцев число членов достигло 48. Работой отдела руководило бюро из пяти женщин – С. Е. Рынкевич, А. В. Лучинской, Т. Н. Доктор, А. И. Бахтеревой и Т. Л. Якобсон. О стремлении к объединению по профессиональному признаку известно и в отношении женщин-юристов в Одессе, Харькове, Казани и Томске¹¹.

Вскоре члены бюро пожелали внести изменения в инструкцию, регламентировавшую работу Юридического отдела, но совет лиги в Санкт-Петербурге проигнорировал поступивший запрос. Поэтому на общем собрании отдела 27 апреля 1912 г. приступили к обсуждению вопроса о создании самостоятельной организации. Её устав разрабатывала специальная комиссия, но поданный 13 октября в столичное градоначальство вариант был отклонён по формальным причинам. После доработки документ снова передали 18 февраля 1913 г. для утверждения, и через месяц Санкт-Петербургское особое по делам обществ и союзов присутствие зарегистрировало Общество санкт-петербургских женщин-юристов. На последнем общем собрании, прошедшем 22 марта, Юридический отдел известил совет лиги о прекращении своей деятельности и о создании особого, не связанного с РЛРЖ женского юридического объединения¹².

Учредителями нового общества выступили Е. П. Ляхова, Рынкевич и Бахтерева. Согласно уставу, оно создавалось с целью «содействовать упрочению и развитию практической деятельности женщин, получивших юридическое образование», для чего планировалось издавать полезную для женщин-юристов печатную продукцию, организовывать чтение докладов и лекций, создавать научные комиссии и библиотеки. Членами организации могли стать только лица женского пола с университетскими дипломами правоведов. Кроме того, в состав общества входили соревнователи, в число которых принимались как

¹⁰ Крестьянников Е. А. Женщины-юристы Российской империи накануне и в условиях Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2023. № 2(79). С. 69.

¹¹ Отчёт о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1911 г. СПб., 1912. С. 4–5, 23–24; Вестник права и нотариата. 1911. № 45. С. 1395; Покровский А. Женщины-юристки // Утро России. 1911. 2 ноября. С. 1.

¹² День. 1912. 4 октября. С. 5; Отчёт о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1912 г. СПб., 1913. С. 57–60; Отчёт о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1913 г. СПб., 1914. С. 80.

женщины, так и мужчины по рекомендации четырёх членов и по представлению правления. Текущее руководство осуществляло правление из восьми человек (пять членов и три кандидата в члены), ежегодно избиравшееся на общем собрании¹³. Для выполнения конкретных задач, включая разработку законопроектов, формировались комиссии. Например, в 1914–1915 гг. состоялось 20 заседаний правления (в это время его членами являлись Бахтерева, Рынкевич, Е.И. Кац, С.М. Хлытчиева, Е.А. Флейшиц и Н.М. Морозова-Михайлова) и 8 общих собраний, одна из комиссий готовила законопроект о внебрачных детях, другая занималась «собиранием и разработкой материалов, составлением объяснительных записок и законопроектов, касающихся прав женщин»¹⁴.

Первое собрание общества состоялось 2 апреля 1913 г. в столичном адвокатском клубе. В приветственной речи Рынкевич заявила, что главным назначением нового содружества является «служение праву», а выступавшая после неё Бахтерева использовала эти слова как девиз ассоциации, воплощением которого должно стать «товарищеское единение». На собрании в члены объединения приняли 55 женщин, а 10 человек стали соревнователями. Среди последних находились знаменитые правоведы – профессора Бестужевских курсов П.И. Люблинский и М.Я. Пергамент (декан юридического факультета)¹⁵. В 1915 г. в организации насчитывалось 124 члена и 58 соревнователей. Любопытно, что в столичном университете к этому времени по юридическому профилю было аттестовано меньше женщин. Видимо, подавляющее большинство из них вступили в Общество санкт-петербургских (петроградских) женщин-юристов. Их соратницами становились обладательницы дипломов университетов Москвы, Казани, Саратова и других городов¹⁶.

Хотя устав не предусматривал должности руководителя, с первых дней существования общества эту функцию фактически выполняла Бахтерева¹⁷. По всей видимости, она вышла на ведущие позиции среди соратниц ещё в Юридическом отделе РЛРЖ, где являлась казначеем, а её фамилия ставилась первой под ежегодными отчётом отдела¹⁸. В 1910 г. вместе с Кац и Хлытчиевой она окончила Бестужевские курсы¹⁹. Вскоре после представления в сентябре 1911 г. необходимых документов в юридическую испытательную комиссию при Санкт-Петербургском университете Бахтерева выдержала экзамены и за-

¹³ Устав Общества санкт-петербургских женщин-юристов. СПб., 1913. С. 1–4, 7.

¹⁴ Отчёт по Обществу петроградских женщин-юристов за 1914 г. Пг., 1915. С. 3–6; Отчёт по Обществу петроградских женщин-юристов за 1915 г. Пг., 1916. С. 3, 5–6.

¹⁵ Женский вестник. 1913. № 5–6. С. 150; А.Д. Общество петербургских юристок // Женское дело. 1913. № 9. С. 18; Федосова Э.П. Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878–1918). М., 1980. С. 92–93.

¹⁶ Отчёт по Обществу петроградских женщин-юристов за 1915 г. С. 6, 11–18; Бахтерева А.И. Результаты второй анкеты о положении женщин-юристов в России (1916 г.) // Женский вестник. 1917. № 2. С. 18.

¹⁷ Наша дань Бестужевским курсам. Воспоминания бывших бестужевок за рубежом. Париж, 1971. С. 122; Красинская-Эльяшева С.А., Рубашова-Зорохович А.И. Юридический факультет // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918. Сборник статей. Изд. 2, испр. и доп. Л., 1973. С. 162.

¹⁸ Отчёт о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1911 г. С. 25, 28–29; Отчёт о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1912 г. С. 60, 62–63; Отчёт о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1913 г. С. 80, 82–83.

¹⁹ Список окончивших курс на С.-Петербургских высших женских курсах. 1882–1889 гг. 1893–1911 гг. [СПб., 1911]. С. 129.

щтила дипломное сочинение о преступности²⁰. По воспоминаниям Хлытчевой, они – первые «юристки» – сразу поняли ущербность своих аттестатов, в которых, «в отличие от университетских дипломов мужчин-юристов, отсутствовал пункт о правах, предоставляемых лицам, получившим высшее юридическое образование», что ограничивало возможности трудоустройства женщин. Тогда-то, чтобы переломить ситуацию, «юристки решили создать свою профессиональную организацию, поставившую целью добиться равноправия» с мужчинами, и именно «благодаря энергичной и неутомимой работе» Бахтеревой возникло Общество санкт-петербургских женщин-юристов²¹.

Авторитет Бахтеревой в феминистских кругах сформировался в ходе активной общественной деятельности. Ещё 13 марта 1911 г. на собрании отдела избирательных прав Русского женского общества она выступила с докладом о личных правах лиц женского пола в гражданском законодательстве, в котором, согласно сообщению в прессе, ей удалось «ярко нарисовать бесправное положение замужних женщин не только в России, но и в других странах»²². В так называемом Соляном городке на Фонтанке 8 ноября 1912 г. состоялся суфражистский по своему характеру митинг, инициированный санкт-петербургским клубом Женской прогрессивной партии (ЖПП) и прошедший при значительном стечении публики. В мероприятии приняли участие выдающиеся феминистки М.И. Покровская, А.В. Тыркова и А.Н. Шабанова, а Бахтерева выступила с речью об «импульсах» женского движения, убеждая слушателей в том, что россиянки «будут бороться до тех пор, пока не сделаются равноправными». Она указала и на остроту проблемы допуска женщин в адвокатуру²³. В период создания Общества санкт-петербургских женщин-юристов Бахтерева снова озвучила это требование на митинге, устроенном тем же клубом в Александровском зале Городской думы 21 марта 1913 г. Внимание к поднятой теме усилило также выступление Флейшиц, уже ставшей знаменитой благодаря тому, что 6 ноября 1909 г. она оказалась первой помощницей присяжного поверенного в России, допущенной на судебное заседание в роли защитницы подсудимых. Этот случай сопровождался громким скандалом, и после протеста прокурора процесс пришлось прервать²⁴.

Основные устремления столичного женского юридического сообщества, лидером которого выступала Бахтерева, сосредоточились на борьбе за доступ женщин в адвокатуру и в число присяжных заседателей – два важнейших института судебной системы после реформы 1864 г. При этом более интенсивные меры предпринимались в первом направлении. Из-за последствий «дела Гитли Флейшиц» задача принятия закона о женской адвокатуре к моменту регистрации Общества санкт-петербургских женщин-юристов казалась почти неосуществимой. С одной стороны, в Судебных уставах 1864 г. и последующих законах не оговаривался пол претендентов на должности присяжного поверенного (являлся полноправным адвокатом и вёл дела в суде) и его помощника (выступал, по существу, в роли стажёра). Требовалось лишь юридическое университетское

²⁰ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб), ф. 14, оп. 8, д. 91, л. 1–21 об.; оп. 18, д. 75, л. 60.

²¹ Хлытчева С.М. Воспоминания юристки первого выпуска // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы... С. 265–266.

²² Женский вестник. 1911. № 4. С. 111–112.

²³ Женский вестник. 1912. № 12. С. 268–271; Женское дело. 1912. № 23. С. 20.

²⁴ Крестьянников Е.А. Участие женщины-адвоката Е.А. Флейшиц в судебном заседании 6 ноября 1909 г. и публичная сфера // Уральский исторический вестник. 2025. № 2(87). С. 72–80.

образование. Получив доступ к университетским аттестатам в области правоведения, россиянки в начале ХХ в. неоднократно пытались закрепиться на адвокатских позициях. Уже в программе ЖПП, принятой во время Первой российской революции, прописывалось требование допустить женщин к адвокатской работе²⁵. С другой стороны, с приходом на пост министра юстиции И.Г. Щегловитова в правящих кругах обозначилась чёткая политика по ограничению прав женщин в области юриспруденции.

Примечательно, что, до того как возглавить министерство, Щегловитов носил маску союзника женщин, стремившихся к юридическому образованию и работе по этой специальности. В начале своей карьеры он утверждал, что никакие российские законы не препятствовали россиянкам заниматься адвокатской практикой²⁶, а в 1904 г. выступил с развернутым заявлением о всемерной поддержке «юристок», назвав их устремление «симпатичным начинанием». Показательным примером способностей женщин к занятию правоведением, по его мнению, стало принятие Евреиновой и П.Н. Тарновской в члены Санкт-Петербургского юридического общества²⁷.

Перемену во взглядах Щегловитова можно связать с тем, что он стал министром в 1906 г. в условиях быстро менявшейся в ходе революционного процесса политической ситуации. По словам его биографов, именно на высшем государственном посту Иван Григорьевич «круто повернул вправо»²⁸. Поняв свою миссию как беспрекословную службу царизму, при собственной оценке своих заслуг в управлении ведомством сановник подчёркивал, что заставил суд «служить требованиям и интересам государственности»²⁹. Поэтому предпринятый им отпор женским стремлениям к адвокатуре представляется закономерным. Нельзя забывать и о том, что карьерный путь Щегловитова пролегал через прокуратуру, а как министр он являлся генерал-прокурором. Состязательность судебного процесса предполагала обстановку противостояния прокурорских работников и адвокатов, и последние, бывало, между собой в своих клубах прямо называли сторону обвинения «врагами»³⁰. Поводом к неприятию феминистского движения служило и участие россиянок в революционной борьбе, в том числе в терроре по отношению к деятелям юстиции. Так, 15 октября 1907 г. член эсеровского Летучего боевого отряда Северной области Е.П. Рогозинникова убила начальника Главного тюремного управления А.М. Максимовского. Женщины оказывались причастными к подготовке покушений и на жизнь самого Щегловитова³¹.

²⁵ Российские партии, союзы и лиги. СПб., 1906. С. 138.

²⁶ Щегловитов И.Г. Из уголовной практики мирового суда // Журнал гражданского и уголовного права. 1887. № 5. С. 25–26.

²⁷ Женский вестник. 1904. № 4. С. 124–125. Тарновская была врачом, но, глубоко погрузившись в криминологию, заслужила уважение юридического сообщества. См., например, одну из её книг: Тарновская П.Н. Женщины-убийцы. Антропологическое исследование. СПб., 1902.

²⁸ Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. В эпоху потрясений и реформ. Российские прокуроры. 1906–1917. М., 1996. С. 28.

²⁹ Краковский К.П. «Щегловитовская юстиция» в России (Министерство юстиции позднеимперского периода по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства). М., 2014. С. 17.

³⁰ ЦГИА СПб, ф. 2059, оп. 1, д. 44, л. 3.

³¹ Кан Г.С. Грязя бедой преступной силе...: Летучий боевой отряд Северной области (1906–1908). В 2 т. Т. 1. Идеология. События. Люди. СПб., 2021. С. 297, 384–457, 464–472, 591, 593–597, 604–605, 610–611, 654–656.

Министерство юстиции вообще чинило препятствия «юристкам». Ещё до «дела Гитли Флейшиц», в 1908 г., по решению московского совета присяжных поверенных в число адвокатов были приняты М.М. Гиршман и Л.А. Бубнова, однако 20 октября Московская судебная палата лишила их этого звания³². В декабре они выступили с обстоятельными докладами на тему женщин в адвокатуре на Первом Всероссийском женском съезде в Санкт-Петербурге³³. По воспоминаниям Флейшиц, когда она пришла на памятный процесс защищать подсудимых, сам министр юстиции натравил на неё прокуратуру³⁴. В связи с разгоревшимся тогда скандалом либеральные «Биржевые ведомости» указывали, что руководитель юстиции «снял повязку с глаз казённой Фемиды, сделал её зрячей и к циркулярам, и к интересам полицейско-охранного дела»³⁵. 13 ноября 1909 г. Сенат признал неправомерным решение Санкт-Петербургского окружного суда о допуске Флейшиц к ведению защиты в уголовном процессе³⁶. Через три дня 100 депутатов Государственной думы разработали законодательное предположение о разрешении женщинам поступать в поверенные³⁷, но дальнейшее рассмотрение вопроса застопорилось после представления Щегловитовым премьер-министру П.А. Столыпину своего заключения с доказательствами того, что допускать россиянок к работе поверенными слишком рано и опрометчиво³⁸.

Результаты «дела Гитли Флейшиц» оказали влияние на судьбу будущих участниц Общества санкт-петербургских (петроградских) женщин-юристов. Так, после принятия 17 мая 1911 г. саратовским советом присяжных поверенных И.Г. Пшеничной в адвокатуру местная судебная палата с опорой на упомянутое сенатское постановление от 13 ноября 1909 г. предписала отменить это решение³⁹. За правильностью действий, с точки зрения высшей власти, в подобных случаях следил и сам министр юстиции. 10 марта 1914 г. один из столичных мировых судей разрешил члену общества женщин-юристов А.А. Миропольской⁴⁰ выступить на гражданском процессе в качестве поверенного, и она превзошла оппонента на суде⁴¹. Слухи об этом дошли до Щегловитова. Он предложил председателю съезда мировых судей рассмотреть данный инцидент, подразумевая ошибочность допуска Миропольской к выступлению в роли адвоката. Съезд не усмотрел в деле нарушений, но в таких случаях судебные деятели всё равно

³² ЦГА Москвы, ф. 1697, оп. 1, д. 42, л. 368 об.–369, 411 об.–412; РГИА, ф. 1405, оп. 531, д. 190, л. 7–8.

³³ Труды I-го Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге. 10–16 декабря 1908 г. СПб., 1909. С. 427–434, 807–816.

³⁴ Флейшиц Е.А. Из прошлого // Советская юстиция. 1958. № 3. С. 28.

³⁵ Биржевые ведомости (утренний выпуск). 1909. 10 ноября. С. 1.

³⁶ Журнал Министерства юстиции. 1909. № 10. С. 45–48. Современный исследователь истории Сената А.Н. Верещагин отнёс это постановление к разряду «наиболее сенсационных» (Верещагин А.Н. Кассационный Сенат (1866–1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской империи. М., 2022. С. 285).

³⁷ РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 2368, л. 2–3.

³⁸ Там же, ф. 1405, оп. 531, д. 190, л. 59–65.

³⁹ Отчёт по Обществу петроградских женщин-юристов за 1914 г. С. 5; Исторический очерк деятельности совета присяжных поверенных округа Саратовской судебной палаты в период 1905–1914 гг. Саратов, 1914. С. 123–127.

⁴⁰ Отчёт по Обществу петроградских женщин-юристов за 1914 г. С. 15.

⁴¹ РГИА, ф. 1405, оп. 531, д. 215, л. 4. Захватывающий репортаж с этого судебного процесса см.: Неон. Первый шаг // Петербургский курьер (утренний выпуск). 1914. 15 марта. С. 3.

карались, а женщинам закрывался путь к адвокатской практике⁴². Притеснения со стороны «Щегловитовского» министерства коснулись также одного из главных достижений автономной адвокатуры – юридических консультаций. После десятилетий полезного труда и востребованности в народе в 1909 г. их попытались запретить⁴³.

Недовольные сложившейся на рубеже 1900–1910-х гг. ситуацией активистки Юридического отдела РЛРЖ начали оказывать давление на парламентариев. В частности, 1 мая 1911 г. они разослали членам думской комиссии судебных реформ заявление о том, что «недопущение вступать в ряды присяжной адвокатуры и выступать в качестве доверенных на суде является одним из самых несправедливых ограничений женских прав». В декабре РЛРЖ дополнительно адресовала данное заявление 300 депутатам, в том числе П.Н. Милюкову, возглавлявшему партию кадетов. Среди думских фракций кадеты оказались наиболее склонны идти навстречу россиянкам в вопросе о женской адвокатуре⁴⁴.

Охранительному курсу министра претили независимые решения советов присяжных поверенных о приёме в свои ряды женщин и решения судей, хотя и редкие, о допущении россиянок к участию в процессах в роли адвокатов. Поэтому он препятствовал законодательному закреплению подобных правил. В мае 1912 г. Государственная дума одобрила законопроект о допуске женщин к занятию должностей поверенных⁴⁵. При его обсуждении в Государственном совете 23 января 1913 г. Щегловитов выступил со страстной речью, навесив на проект ярлык «совершенно неприемлем» и предопределив его отклонение⁴⁶.

Однако участницы вскоре образованного Общества санкт-петербургских женщин-юристов не опустили руки. Вспоминая о начале деятельности организации, Хлытчиева писала: «Началась кропотливая, незаметная, но нелёгкая работа по подготовке общественного мнения, в первую очередь членов Государственной думы, в пользу нашего законопроекта. В этой работе А.И. Бахтерева поражала своей энергией, незаурядными организаторскими способностями, умением сплотить нас и заставить работать на общую пользу»⁴⁷. Уже 5 ноября 1913 г. 38 депутатов Государственной думы попытались вынести на обсуждение нижней палаты парламента законодательное предположение о дозволении женщинам вести адвокатскую практику, но их инициатива снова натолкнулась на сопротивление Щегловитова. 25 ноября он доложил премьер-министру В.Н. Коковцову, что считает рассмотрение данного вопроса «несвоевременным», поскольку совсем недавно, в начале года, Государственный совет уже

⁴² РГИА, ф. 1354, оп. 1, д. 4515, л. 1–6; *Krest'iannikov E.A.* Политические сигналы женской адвокатуры в поздней Российской империи // *Cahiers du Monde Russe*. Vol. 64. 2023. № 3–4. Р. 638.

⁴³ *Крестьянников Е.А.* Женщины-юристы Российской империи... С. 73. Следует отметить и наблюдение Р.С. Уортмана, согласно которому при Щегловитове «продвигались по службе многие карьеристы, проявлявшие особенную враждебность к адвокатуре» (*Уортман Р.С.* Властили и судии. Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 35).

⁴⁴ Отчёт о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1911 г. С. 14; ГА РФ, ф. 579, оп. 1, д. 2448, л. 1; *Юкина И.И.* Русский феминизм... С. 367.

⁴⁵ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчёты 1912 г. Сессия пятая. Часть 4. Заседания 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб., 1912. Стб. 2446–2470.

⁴⁶ Московские ведомости. 1913. 24 января (6 февраля). № 20. С. 2; Государственный совет. Стенографические отчёты. 1912–1913 гг. Сессия восьмая. Заседания 1–51 (1 ноября 1912 г. – 4 июля 1913 г.). СПб., 1913. Стб. 809–910.

⁴⁷ *Хлытчиева С.М.* Воспоминания юристки... С. 266.

принял по нему отрицательное решение. В итоге 19 декабря Совет министров признал законопроект неприемлемым⁴⁸.

Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, члены и соревнователи общества женщин-юристов не прекратили свою деятельность и использовали имевшиеся возможности для напоминания социуму и политикам о необходимости открыть россиянкам двери адвокатуры. Истории и текущему состоянию законодательства в этой области посвящались опубликованные в самых авторитетных юридических журналах статьи Люблинского и Флейшиц. Они также разбирали новые скандалы, возникавшие в связи с включением россиянок в число адвокатов (например, решение совета присяжных поверенных в Казани о принятии трёх женщин в адвокатскую корпорацию) или их участием в этом статусе в судебных заседаниях (в частности, О.Е. Коновицер и Миропольской, защищавших интересы своих подопечных в мировом суде)⁴⁹.

Начало Первой мировой войны усилило позиции сторонников женской адвокатуры. По данным за 1916 г., многие ведомства (финансовое – на должности в казённые палаты народного просвещения, путей сообщения, православного вероисповедания, Главного управления государственного здравоохранения) начали принимать россиянок на службу⁵⁰, и сфера юстиции не могла остаться в стороне⁵¹. Из-за мобилизации нарастал дефицит поверенных-мужчин, а женщины, консультируя по правовым вопросам, весьма успешно выполняли функции, родственные адвокатским. В резолюции одного из совещаний представителей советов присяжных поверенных в Петрограде в апреле 1916 г. говорилось о «настоятельной необходимости» законодательно решить вопрос о допуске женщин в адвокатуру⁵². Обращая внимание депутатов Государственной думы на возникшие сложности в обеспечении населения юридической помощью, Общество петроградских женщин-юристов в 1916 г. направило им меморандум с призывом реанимировать и одобрить законопроект о женщинах-адвокатах, отклонённый Государственным советом в 1913 г.⁵³ Вскоре нехватка мужчин в судебных органах стала ещё заметнее, угрожая парализовать отправление правосудия, и 8 февраля 1917 г. Николай II утвердил закон о допуске лиц женского пола к работе на отдельных должностях по ведомству Министерства юстиции⁵⁴.

После падения монархии женщины-юристы стали массово обращаться в советы присяжных поверенных с ходатайствами о принятии в число адвокатов, и мужчины с удовольствием шли им навстречу. Весной 1917 г. в Москве и Петрограде десятки россиянок получили звание помощников присяжных

⁴⁸ РГИА, ф. 1276, оп. 9, д. 112, л. 6; ф. 1405, оп. 531, д. 190, л. 460–487.

⁴⁹ Люблинский П.И. Борьба с женской адвокатурой и уроки законности // Право. 1915. № 21. С. 1529–1547; Флейшиц Е.А. Адвокаты будущего // Вестник гражданского права. 1914. № 7. С. 58–70; Флейшиц Е.А. Ещё о женщинах в судебном представительстве // Вестник права. 1915. № 34. С. 967–969; Крест'янников Е.А. Политические сигналы женской адвокатуры... Р. 638.

⁵⁰ РГИА, ф. 1276, оп. 12, д. 4, л. 33–34 об., 48–49 об., 55–56 об., 65–66 об., 75–76.

⁵¹ Следует отметить, что по закону от 9 мая 1900 г. женщины допускались к работе в судебных органах и в Министерстве юстиции «по письменной и счётной частям» исключительно по вольному найму (ПСЗ-III. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18562. С. 469).

⁵² Протоколы совещаний представителей советов присяжных поверенных в Петрограде и Москве (январь–апрель 1916 г.). М., 1916. С. 55.

⁵³ Меморандум от Общества петроградских женщин-юристов. Пг., 1916. С. 1–2; Утро Сибири. 1916. 7 июня. С. 3.

⁵⁴ РГИА, ф. 1405, оп. 531, д. 213, л. 1, 127–127 об., 197 об.–198 об.

проверенных, а 1 июня Временное правительство утвердило постановление «О допущении женщин к ведению чужих дел в судебных установлениях»⁵⁵.

В борьбе за доступ в ряды присяжных заседателей почин, видимо, также принадлежал ЖПП, включившей соответствующий пункт в свою программу⁵⁶. Санкт-Петербургский клуб партии 26 января 1910 г. направил Щегловитову ходатайство за подпись председателя Покровской с просьбой «во имя правосудия, о возбуждении в законодательном порядке вопроса о допущении женщин в состав присяжных на равных основаниях с мужчинами». Составителям обращения представлялось совершенно несправедливым и возмутительным то обстоятельство, что «быть жертвою насилий женщина может, а судить это ей не позволяют»⁵⁷. Весной 1913 г. Общество санкт-петербургских женщин-юристов по заказу столичного клуба ЖПП сформировало комиссию для разработки законопроекта о включении лиц женского пола в число присяжных заседателей. Большинством голосов совет клуба принял текст законодательного предположения 16 мая, а для внесения проекта в Государственную думу решил обратиться к депутату А.И. Шингарёву⁵⁸.

По мнению Бахтеревой, россиянки демонстрировали способность участвовать в суде присяжных, а справедливость даже настоятельно требовала этого. Когда женщины уже длительное время успешно тружились на педагогическом, врачебном и других поприщах, едва ли стоило сомневаться, «что у них не хватит достаточного знания жизни и умения подойти к преступному деянию с точки зрения житейской совести». Также лидер общества женщин-юристов обратила внимание на злодеяния, для понимания которых женский жизненно-судейский взгляд являлся крайне желательным: детоубийство, умерщвление плода, преступление против женской чести⁵⁹.

Вместе с тем вопросы о допуске россиянок в проверенные и в присяжные заседатели наполнялись разными смыслами, и подчас одни и те же лица, выступая в пользу первого, могли оказаться противниками второго. К примеру, знаменитый адвокат П.Н. Малянович, 22 апреля 1908 г. выступивший в поддержку москвички Я.С. Подгурской – первой россиянки, ходатайствовавшей перед советом присяжных проверенных о приёме в адвокатуру⁶⁰, – пожелал провала законопроекту Шингарёва. Малянович полагал, что допустить женщин в присяжные заседатели можно будет лишь после того, как они добьются равенства во всех остальных сферах, «ибо неравноправные не могут быть судьями, не могут быть членами судебной коллегии равных: они внесут туда непременно элементы борьбы, в данном случае борьбы полов». Присутствие женщин, по его мнению, могло парализовать деятельность суда присяжных⁶¹.

⁵⁵ Крестьянников Е.А. Женщины-юристы Российской империи... С. 75; Вестник Временного правительства. 1917. 13(26) июня. С. 1.

⁵⁶ Российские партии, союзы и лиги. С. 138.

⁵⁷ Женский вестник. 1910. № 2. С. 56; РГИА, ф. 1405, оп. 531, д. 191, л. 1–1 об.

⁵⁸ Ардашев Н. Законодательное предположение о женщинах присяжных заседателях // Женская жизнь. 1915. № 12. С. 1; Бландова М. Судебные права женщин // Женское дело. 1913. № 23. С. 1; Женский вестник. 1917. № 7–8. С. 96.

⁵⁹ Бахтерева А.И. Женщины – присяжные заседатели // Женский вестник. 1914. № 4. С. 101–102.

⁶⁰ Сорок второй отчёт совета присяжных проверенных округа Московской судебной палаты за 1907–1908 г. М., 1908. С. 6–14; РГИА, ф. 1405, оп. 531, д. 190, л. 2.

⁶¹ Женская жизнь. 1915. № 14. С. 5.

Законодательное предположение «о предоставлении лицам женского пола права быть присяжными заседателями» было внесено в нижнюю палату парламента 5 ноября 1913 г. за подписью 37 депутатов в одном пакете с проектом о женской адвокатуре. В предположении особенно подчёркивалось, что «существует целый ряд преступлений, где женщина может фигурировать либо в качестве субъекта преступления, либо в качестве его жертвы», а потому необходимо предоставить россиянкам место на скамье суда присяжных⁶².

В прессе Бахтерева выражала сомнение в благоприятном решении парламента по этому законопроекту⁶³, и, как показало время, в Государственной думе дело не дошло даже до обсуждения. После Февральской революции правительенная комиссия по судоустройству, ссылаясь на затруднительность для россиянок судебских обязанностей, 25 апреля 1917 г. разрешила женщинам становиться присяжными заседателями при условии подачи заявления о желании участвовать в судопроизводстве в этом статусе, тогда как мужчины включались в состав суда присяжных без такого требования. Усмотрев в этом дискриминацию и настаивая на полном равноправии полов, Общество петроградских женщин-юристов обратилось с заявлением к министру юстиции, в котором опротестовывало принятые комиссией положение, отметив, «что русское правительство, вступив на путь широкой демократизации правовых начал, должно раз навсегда отказаться от прежней политики специальных забот о совершеннолетних женщинах». В присутствии представителя общества Н.А. Недошвиной 8 июня комиссия по судоустройству большинством голосов признала желательным без всяких ограничений возложить обязанности присяжных заседателей и на лиц женского пола⁶⁴.

Помимо прямых обращений в органы власти, прежде всего в Государственную думу, столичное общество женщин-юристов для распространения своих идей и привлечения внимания к собственной деятельности, согласно уставу, проводило различные агитационные и просветительские мероприятия, в первую очередь в форме докладов его членов и соревнователей. Мероприятия ассоциации проходили, видимо, в помещениях сторонних организаций, и, судя по всему, чаще всего в Русском женском взаимно-благотворительном обществе, хотя в источниках упоминаются также городская дума, зал Петровского коммерческого училища и т.д. Кроме того, женщины-юристы выступали на мероприятиях других ассоциаций. Так, на публичном собрании, организованном столичным клубом ЖПП 20 февраля 1914 г., Бахтерева рассказала об участии женщин в коллегиях суда присяжных, а Хлытчева – о женской адвокатуре⁶⁵.

Некоторые доклады в рамках деятельности общества женщин-юристов, вероятно, представляли собой апробацию авторами своих научных исследований. Например, в 1914–1915 гг. Флейшиц выступила с докладами «Законопроект о раздельном жительстве супругов и о расширении прав замужней женщины», «Юридическая природа имущественного найма», а Рынкевич – «Влияние войны на гражданско-правовые отношения». Обе они 23 ноября

⁶² РГИА, ф. 1276, оп. 9, д. 112, л. 2.

⁶³ Бахтерева А.И. Женщины – присяжные заседатели. С. 102.

⁶⁴ Женский вестник. 1917. № 7–8. С. 95–96; Недошвина Н.А. О далёком прошлом // Наша дань Бестужевским курсам... С. 86.

⁶⁵ ЦГИА СПб, ф. 569, оп. 13, д. 1156, л. 6, 15–16, 20, 22–23, 32, 36, 41, 46; Женское дело. 1916. № 7. С. 13; День. 1914. 22 февраля. С. 3.

1915 г. испытывались на степень магистра гражданского права в Петроградском университете⁶⁶.

Усугубление социальных проблем в связи с затяжным характером Первой мировой войны также привлекало внимание Общества петроградских женщин-юристов. Весной 1916 г. оно устроило публичное собрание в Петровском коммерческом училище, где члены ассоциации — Бахтерева, Е.Ф. Берёзова и Ю.М. Рудицкая — сделали сообщения о росте детской беспризорности и преступности в военное время. С докладом «Война и право», посвящённым проблеме соблюдения норм международного права в разразившемся в 1914 г. противостоянии, выступил известный правовед профессор М.П. Чубинский⁶⁷. Присутствие на мероприятиях общества специалистов, знаменитостей и представителей высшего света было нередким. Например, в списке приглашённых на собрание организации 3 марта 1915 г. числились светила отечественной юриспруденции: Люблинский, Пергамент, Чубинский, Н.А. Гредескул, В.М. Гессен. Особой многолюдностью отличалось собрание 23 января 1917 г., на котором доклады Милюкова и члена Государственного совета А.В. Васильева слушали около 600 человек⁶⁸.

Отдельного внимания заслуживает проведение обществом двух опросов россиянок, получивших юридическое образование. Опыт такой работы участницы столичной ассоциации женщины-юристов могли приобрести ещё во время обучения. В частности, при юридическом факультете на Бестужевских курсах действовал статистический кабинет, а для желающих из числа слушательниц этого факультета организовывались практические занятия по статистике⁶⁹. В первый раз анкеты рассыпались весной 1914 г., а результаты обработки ответов были представлены в начале 1916 г. Признав этот опыт успешным, в том же 1916 г. Общество петроградских женщин-юристов провело повторное анкетирование.

Согласно пояснению Бахтеревой, побудительным мотивом к осуществлению первого опроса стал «живой интерес» общественности «к новой отрасли женского труда». Это выражалось в регулярном поступлении вправление возглавлявшейся ею ассоциации запросов, «находят ли женщины-юристы возможность применять свои знания как заработка и приходится ли им соприкасаться с практической юриспруденцией». Кроме того, добавила она, «и самим юристкам было очень важно выяснить, имеется ли для них заработка по специальности как в столице, так и в провинции, и как к ним относятся те лица, к которым они обращаются за работой, и оказывают ли им поддержку при прискании заработка их коллеги-юристы»⁷⁰.

В 1914 г. анкетные листы направлялись членам женских юридических организаций в Санкт-Петербурге и Москве⁷¹ и в университетские города, но

⁶⁶ Женский вестник. 1915. № 12. С. 220; Вестник права. 1914. № 13–14. С 440–442; Отчёт по Обществу петроградских женщин-юристов за 1914 г. С. 3; Отчёт по Обществу петроградских женщин-юристов за 1915 г. С. 3.

⁶⁷ Женское дело. 1916. № 7. С. 13–14.

⁶⁸ ЦГИА СПб, ф. 569, оп. 13, д. 1156, л. 23–23 об., 26–26 об., 66.

⁶⁹ Высшие женские курсы в Санкт-Петербурге. Краткая историческая записка. 1879–1908 гг. Изд. 4, доп. СПб., 1908. С. 40–41.

⁷⁰ Бахтерева А.И. Положение женщин-юристов в России по анкете 1914 г. // Женский вестник. 1916. № 5–6. С. 81.

⁷¹ Говоря о Москве, вероятно, речь шла об основанном в 1913 г. «Бюро труда женщин юристов».

известно и об ответах, поступивших от жительниц Омска⁷², Таганрога, Кишинёва, Риги и Ташкента, где университеты отсутствовали. Возвращено было около 60% анкет, их статистической обработкой занимались А.Е. Семёнова и В.А. Лосиевская. О результатах Бахтерева сообщила на собрании 24 февраля 1916 г., после чего их опубликовали в прессе. Опрос затрагивал проблемы оплаты труда женщин-юристов, их научной деятельности, а также отношения населения к работе женщин на юридическом поприще⁷³. Задачи второго опроса были скорректированы с учётом нараставшего дефицита мужчин-проверенных и увеличения спроса на женский труд в этой области. Организаторы нового анкетирования хотели «зарегистрировать эту растущую количественно и качественно женскую работу, чтобы дать основательные данные защитникам женской адвокатуры»⁷⁴. Выявленная динамика в этом отношении представлялась удовлетворительной: по сравнению с первым опросом доля трудоустроенных женщин с юридическим образованием возросла, они чаще находили работу по специальности, и их охотнее нанимали на должности, требовавшие более высокой квалификации⁷⁵.

Следует отметить, что столичная ассоциация женщин-юристов оказалась не единственной в России. После утверждения устава 27 февраля 1913 г. в Москве действовало «Бюро труда женщин юристов». Его членами могли стать только лица женского пола с высшим юридическим образованием, трудоустройство которых провозглашалось целью создания организации⁷⁶. На учредительном собрании 7 мая председательствовала Бубнова, среди основных докладчиков значилась Гиршман, они же вошли в правление. Серьёзное содействие обществу оказывал профессор В.М. Хвостов⁷⁷, слывший знатоком развития женского вопроса в разных частях планеты и горячо сочувствовавший женскому движению⁷⁸.

Исследователи первых организаций женщин-юристов в США отметили их обособление от других женских объединений⁷⁹. С этим наблюдением согласуются и данные о содружествах женщин-юристов в Санкт-Петербурге и Москве. Преследуя общую цель, они были близки друг к другу по ряду особенностей, выделявших их на фоне феминистских организаций. Конечно, внимание участниц обоих обществ привлекали проблемы, решение которых неминуемо вело к установлению всё большего равноправия полов. Однако более значимым в деятельности женщин-юристов оказывалась борьба за профессиональную самореализацию. Это выражалось и в существенном участии в ассоциациях мужчин. Характерно, что первая россиянка со свидетельством помощника

⁷² Предположительно, в Омске на вопросы анкеты откликнулась Л.П. Рушковская. Местный совет присяжных поверенных принял её в адвокатуру 26 января 1912 г., но уже через два дня прокурор Омской судебной палаты В.В. Едличко предписал данное постановление отменить (Государственный исторический архив Омской области, ф. 190, оп. 1, д. 188, л. 38).

⁷³ Отчёт по Обществу петроградских женщин-юристов за 1914 г. С. 5–6; *Бахтерева А.И.* Положение женщин-юристов в России по анкете 1914 г. С. 81–87; ЦГИА СПб, ф. 569, оп. 13, д. 1156, л. 41–42.

⁷⁴ *Бахтерева А.И.* Результаты второй анкеты... С. 17.

⁷⁵ Подробнее см.: *Крестьянников Е.А.* Женщины-юристы Российской империи... С. 70.

⁷⁶ Бюро труда женщин юристов. Устав. М., [1913]. С. 1, 3.

⁷⁷ Женское дело. 1913. № 11. С. 12.

⁷⁸ См., например, его работу: *Хвостов В.М.* Женщина накануне новой эпохи. Два этюда по женскому вопросу. М., 1905.

⁷⁹ *Mossman M.J.* Op. cit. P. 63–64.

присяжного поверенного Подгурская, намекая на неприятие феминизма, в одном из интервью прокомментировала своё отношение к женскому вопросу следующим образом: «Я против всех этих митингов, собраний и вообще борьбы за равноправие»⁸⁰.

Видимо, у столичного общества женщин-юристов не ладились отношения с РЛРЖ, которую исследователи считают ведущей общественно-политической женской организацией предреволюционной России⁸¹. Во всяком случае, имеющиеся материалы не позволяют говорить об активном участии последней в акциях сообщества женщин-юристов, в том числе в тех случаях, когда к ним присоединялись другие объединения. Например, заявление Общества петроградских женщин-юристов на имя министра юстиции в 1917 г. с требованием без всяких ограничений допустить россиянок в присяжные заседатели поддержали Союз женщин демократических организаций, Всероссийский женский союз, петроградский клуб ЖПП и женская трудовая артель, но РЛРЖ в этом списке не значилась⁸². Отсутствие в списке членов РЛРЖ лидеров общества женщин-юристов, кроме Флейшиц, после 1913 г., видимо, свидетельствует об основательном расхождении между организациями⁸³. Скорее всего, обособленность юридического женского сообщества обусловливала его предназначение. Согласно применяемым в современной литературе критериям классификации женских организаций в Российской империи, по характеру целей и защите специфических интересов его следует относить к профессиональным объединениям⁸⁴. На это также указывают жёсткое требование к членству в организации (наличие университетского диплома правоведа) и направления деятельности с очевидным уклоном на разрешение юридических вопросов. Элитарный по своему составу⁸⁵, самодостаточный и занимавшийся тем, что мог понять далеко не каждый, союз не стремился к привлечению масс и вряд ли был готов стать частью других, более крупных феминистских структур. Наоборот, его участницы требовали большей свободы действий и самостоятельности.

Заявив о «служении праву», Общество санкт-петербургских (петроградских) женщин-юристов достаточно чётко определило круг «своих» и «чужих». В числе первых оказались феминистские организации, оппозиционная правительству часть элиты и, конечно, правоведы-мужчины с их объединениями, склонные поддерживать женщин как минимум в главном вопросе – о допуске в адвокатуру⁸⁶. Те же, кто попирал право, закономерно становились врагами

⁸⁰ Анфимова Л. Первая женщина-адвокат в России // Голос Москвы. 1908. 24 мая. С. 5.

⁸¹ Хасбулатова О.А., Гафизова Н.Б. Женское движение в России... С. 81.

⁸² Женский вестник. 1917. № 7–8. С. 95.

⁸³ Отчёт о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1913 г. С. 92–111; Отчёт Российской лиги равноправия женщин за 1914 и 1915 гг. Пг., 1917. С. 96–113.

⁸⁴ Хасбулатова О.А., Гафизова Н.Б. Женское движение в России... С. 62, 98.

⁸⁵ Об элитарном характере общества свидетельствует и то, что некоторые его активистки перед обучением в отечественных высших учебных заведениях получили дипломы правоведов в иностранных университетах, например Флейшиц в Парижском, а Пшеничная в Женевском (ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 15, д. 749, л. 1; д. 2157, л. 1–2 об.; оп. 18, д. 45, л. 16).

⁸⁶ Случаи препятствования доступу женщин в поверенные со стороны адвокатов-мужчин единичны. Так, явным недоброжелателем выступал нижегородский присяжный поверенный Н.И. Варфоломеев, который в местной прессе и письмах Щегловитову доказывал невозможность женской адвокатуры (РГИА, ф. 1405, оп. 531, д. 190, л. 81–81 об., 315–318 об.). Среди советов присяжных поверенных, пожалуй, только новочеркасский прямо отказал двум женщинам в приёме (Девятый

одновременно для организаций женских и мужских юридических сообществ. К этой группе, безусловно, относились руководители юстиции во главе с Щегловитовым, который среди прочих мер старался затормозить консолидацию российской мужской адвокатуры. Так, в начале 1912 г. он отклонил прошение столичного совета присяжных поверенных о разрешении организовать Всероссийский съезд адвокатов. Объясняя Коковцову мотивы своего отказа, Щегловитов отметил, что «предполагаемый съезд, ввиду враждебного отношения к правительству большинства лиц, принадлежащих к составу присяжной адвокатуры, будет, по всей вероятности, использован для противоправительственной агитации»⁸⁷.

Начав движение к коллективной самоорганизации в 1911 г., члены Общества санкт-петербургских (петроградских) женщин-юристов оказались первоопроходцами в деле консолидации женских сил в области юриспруденции. Они сами определяли организационное устройство своего сообщества, направления деятельности, выбор союзников. В остроте ставившихся ими вопросов и в сопротивлении их решению со стороны высшей власти угадывается нечто несовместимое с царской Россией: «служение праву» в ней противоречило монархической идее. Смена политического режима в 1917 г. удовлетворяла юристок. На чрезвычайном собрании 5 марта этого революционного года столичное общество женщин-юристов «единогласно постановило приветствовать Временное правительство, открывающее новую эру жизни нашей освобождённой Родины»⁸⁸.

отчёт о деятельности совета присяжных поверенных округа Новочеркасской судебной палаты за 1912–1913 г. (с 1 июня 1912 г. по 1 июня 1913 г.). Новочеркаск, 1913. С. 9–15).

⁸⁷ РГИА, ф. 1276, оп. 8, д. 53, л. 3–6.

⁸⁸ Там же, ф. 1278, оп. 5, д. 1298, л. 77.